

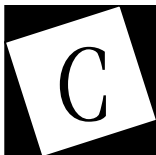
«О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
что другой дороги нет».

Уильям Батлер Йейтс¹

---

¹ Перевод Г. М. Кружкова.

Глава 1

Совершенно определенно, она сошла с ума.

Кому, как не ей, дипломированному психологу, это знать.

Все симптомы налицо. Они уже несколько месяцев кружат над ней, словно вороны: раздражительность, вспыльчивость, рассеянность, забывчивость. Полное отсутствие мотивации, энергии, целеустремленности.

Родители отреагировали, как всегда, ненавязчиво: мол, ты можешь лучше, Джуд. Коллеги начали коситься, одни с тщательно скрываемой жалостью, другие с плохо скрываемым неодобрением. Она возненавидела преподавание, студентов, разбиделась на подруг, родных, начальство и подчиненных.

Самое простое дело — поутру встать с кровати и собраться на работу — превратилось в настоящий подвиг вроде покорения Эвереста. Но главное, ей на этот Эверест даже смотреть не хочется, не то что покорять.

И в довершение всего — неконтролируемое импульсивное поведение. О да, вишенка на торте:

в высшей степени уравновешенная Джуд Фрэнсис Мюррей, одна из самых крепких ветвей семейного древа чикагских Мюрреев, благоразумная и преданная дочь доктора Линды Мюррей и доктора Джона К. Мюррея, уволилась.

Не взяла творческий отпуск, не попросила несколько недель отдыха, а уволилась. Прямо посреди семестра.

Почему? Ни малейшего понятия.

Она сама в шоке. Декан, коллеги и студенты — тоже.

Вела ли она себя подобным образом два года назад, когда ее брак рухнул? Ни в коей мере. Продолжала жить как ни в чем не бывало — читала лекции, занималась научной работой, посещала мероприятия. Ни разу не дрогнула, даже общаясь с адвокатами и педантично выполняя формальности, сопровождающие окончание семейного союза.

«Семейный союз» — пожалуй, громко сказано, да и его расторжение не доставило особенных хлопот. Брак, продлившийся около восьми месяцев, не породил ни серьезных неприятностей, ни страсти.

«Пожалуй, именно страсти и недоставало, — думала Джуд. — Будь во мне больше огня, Уильям не бросил бы меня ради другой женщины, едва завяли цветы в свадебном букете. Впрочем, поздно горевать: я такая, какая есть. Или была. Одному богу известно, какая я теперь».

Наверное, отчасти причина в этом. Джуд Мюррей вышла на край обрыва, оглядела бесконечное мутное море однообразия и скуки, которое представляла собой ее собственная жизнь, и в ужасе метнулась прочь.

Что, кстати, совершенно ей несвойственно.

От подобных мыслей сердце забилося в два раза чаще положенного. Только инфаркта сейчас не хватало. Джуд представила заголовок:

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦА
ИЗ АМЕРИКИ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ
В АРЕНДОВАННОЙ МАШИНЕ

В высшей степени дурацкий некролог. Сгодится для «Айриш таймс», любимой бабушкиной газеты. Родители, разумеется, испытают сильнейшее душевное потрясение от столь неопрятной, вызывающей, *неприличной* смерти. Стыд-то какой.

Естественно, они будут убиты горем, но в первую очередь озадачены: о чем думала их девочка, уезжая в Ирландию, когда у нее блестящая карьера и чудная квартира на берегу озера?

Без сомнения, спишут все на бабушкино дурное влияние.

И, конечно, окажутся правы. Они всегда правы. С того самого момента, как зачали свою дочь во время чрезвычайно благопристойного полового акта, состоявшегося ровно через год после свадьбы.

Джуд не горела желанием представлять процесс в подробностях, но не сомневалась, что совокупления ее родителей отличались чрезвычайной благопристойностью. Как обожаемые ими классические балетные спектакли — идеальная хореография и безупречный вкус.

До чего она докатилась! Сидит в арендованной машине с дурацким рулем не на той стороне и думает о том, как ее отец и мать занимаются сексом.

Джуд прижала пальцы к глазным яблокам, пока наваждение не растаяло.

Когда сходишь с ума, именно так все и происходит.

Вдох, выдох, еще раз вдох. Кислород прочистит мозг и успокоит мысли. Есть два варианта. Первый: вытащить чемоданы из багажника, вернуться в аэропорт, сдать ключи от машины морковно-рыжему улыбчивому парню из пункта проката и купить билет домой.

Да, работы у нее больше нет, но можно продать акции и некоторое время не тревожиться о деньгах. Жилья тоже нет, ибо квартира на полгода сдана одной милой паре, но можно пожить у бабушки.

А бабушка обратит на внучку преисполненный разочарования взор потускневших, однако все еще прекрасных голубых глаз и скажет: «Джуд, милая, каждый раз, когда ты хочешь поступить по зову сердца, у тебя не хватает сил сделать решающий шаг. Почему?»

— Да не знаю я! Не знаю, — Джуд горестно закрыла лицо руками. — Это ты меня сюда отправила. Что мне делать в коттедже на Эльфийском холме целых шесть месяцев? Я даже не представляю, как рулить этой проклятой машиной.

До истерики оставалось совсем немного — максимум один всхлип. Слезы клокотали в горле, жгли глаза. Но прежде чем упала первая слезинка, Джуд вскинула голову, крепко зажмурилась и выбрала себя за бесхарактерность. Истерики, припадки гнева, приступы желчности и прочее неподобающее поведение — не более чем проявление распушенности. Ее с детства учили распознавать подобные состояния. Нельзя поддаваться эмоциям.

— Хватит ныть, жалкая ты идиотка. Постыдилась бы! Разговариваешь сама с собой, плачешь в машине. Встряхнись уже и заводи эту чертову колыма-

гу, — Джуд судорожно вздохнула, расправила плечи. — Итак, второй вариант: завершить начатое.

Она повернула ключ в замке зажигания, произнесла краткую молитву, чтобы по дороге никого не убить и не покалечить (себя в том числе), и выехала с парковки.

Джуд пела — в основном чтобы не вопить от страха. Стоило ей подъехать к очередной круговой развязке, которые ирландцы жизнерадостно величают карусельками, у нее вскипал мозг: она путала право и лево, в панике представляла, как сбивает ни в чем не повинных пешеходов, и от ужаса горланила все, что в голову взбредет.

По пути из Дублина в графство Уотерфорд Джуд распевала арии из мюзиклов, затем орала ирландские застольные песни, а на узком выезде из городишки под названием Карлоу голосила припев из песни «Браун Шугар», да так, что сам Мик Джаггер бы содрогнулся.

После Карлоу стало полегче. Вероятно, боги, хранящие путников, обалдели от шума и перестали швырять встречные автомобили под колеса многострадального «Вольво». А может, помогла Дева Мария, чьи часовни в изобилии встречались вдоль дороги. Как бы то ни было, Джуд приноровилась к машине и даже начала наслаждаться путешествием.

В перламутровом солнечном свете отливали изумрудной зеленью бесконечные гряды холмов, теряющиеся в тени далеких гор. На небе парили легкие жемчужно-серые облака, в воздухе подрагивала серебристая дымка. Подобную картину впору увидеть на полотне гениального художника, но никак не в реальной жизни. А если долго смотреть, можно не-

нароком очутиться внутри рамы, в волшебном мире, созданном воображением мастера.

Этот-то мир и узрела Джуд, едва осмелилась оторвать взгляд от дороги. Ее взору предстала невероятная, ошеломляющая красота, от которой щемило сердце и затягивались душевные раны.

Неправдоподобно зеленую гладь полей разделяли осыпающиеся каменные ограды и ряды низкорослых деревьев. Пестрые коровы и нестриженные овцы пощипывали травку, деловито тархтели тракторы. Тут и там попадались белые и бежевые домики, рядом с которыми сушилось белье, а во дворах буйно цвели всевозможные цветы.

Вдруг за поворотом, совершенно неожиданно и необъяснимо, показались развалины старинного монастыря, горделиво возвышающиеся на фоне ослепительной зелени и небесной синевы, словно ожидая своего часа.

Что почувствуешь, поднимаясь по чудом сохранившимся ступеням, отполированным сотнями ног? Бабушка говорит, если хорошенько прислушаться, можно услышать музыку, голоса, шум битв, женский плач и детский смех, доносящиеся из глубины веков. Получится ли?

Разумеется, Джуд не верила в подобную ерунду. Но здесь, в этом свете, на этом воздухе, невозможное казалось возможным.

Раскинувшаяся перед ней земля предлагала все — от былого величия до чарующей простоты: соломенные крыши, каменные кресты, старинные замки, деревушки с узкими улочками и вывесками на гэльском.

По заросшей обочине, где дорожный знак предупреждал о выбросе гравия, брел старик с собакой. На обоих были одинаковые коричневые шляпы. Джуд

умилилась и еще долго хранила в памяти образ забавной парочки, завидуя свободе и безыскусной простоте их жизни.

Должно быть, эти двое гуляют каждый день, в любую погоду, затем возвращаются в уютный маленький домик с соломенной крышей и ухоженным садиком. Старик пьет чай, а пес (хотя у него есть своя будка) дремлет у камина.

Джуд тоже захотелось побродить по этим полям в компании преданной собаки. Просто идти и идти, пока не захочется присесть. А потом сидеть и сидеть, пока не захочется встать. Какая роскошь — делать что хочешь, как хочешь и когда хочешь.

В жизни Джуд не было места такой простой ежедневной свободе. Больше всего на свете она боялась, наконец, обрести это драгоценное сокровище, коснуться серебристого краешка кончиками пальцев — и потерять.

Дорога вилась и петляла вдоль побережья. Показалось море, у горизонта синее, словно шелковая лента, ближе к берегу темно-зеленое, а там, где бурлящие волны выкатывались на широкий песчаный пляж, — серое.

Напряжение, сковывавшее плечи, постепенно ослабевало. Руки, судорожно стискивающие руль, чуть расслабились. Вот она, Ирландия, о которой рассказывала бабушка, — удивительная, сочетающая в себе яркие краски природы, драматические события и первозданный покой. Отчасти ради этого Джуд и приехала сюда — увидеть родину предков, понять, откуда растут ее корни, прежде чем их пересадили в новую почву за Атлантическим океаном.

Хорошо, что она не вернулась в аэропорт и не сбежала обратно в Чикаго. Между прочим, ей уда-